

В НОМЕРЕ:

В канун праздника Собора архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, 20 ноября, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий совершил Всенощное бдение в Спасо-Парголовском храме. Эту и другие новости вы узнаете, открыв **2-ю стр.**

5 декабря 2018 года исполнилось 10 лет со дня упокоения Святейшего Патриарха Алексия II. Материал о нём вы можете прочесть **на 4-ой стр.**

О паломничестве наших прихожан в Варлаамо-Хутынский монастырь — **статья на стр. 5**

11 декабря — 100 лет со дня рождения А.И. Солженицына. Читайте о нём **на стр. 10**

О юном волонтере и краеведеере Вере Баукиной — материал **на стр. 12**

Престольный праздник нашего храма

Митрополит Сурожский Антоний

Проповедь в день памяти святителя Николая Чудотворца

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

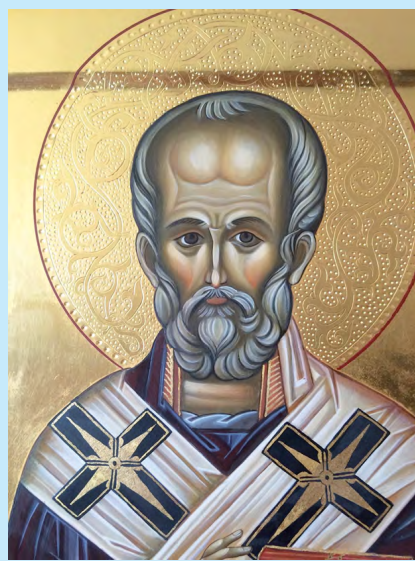
Мы празднуем сегодня день смерти святителя Николая Чудотворца. Какое это странное совмещение слов: праздник о смерти... Обычно, когда кого-нибудь застигнет смерть, мы тоскуем и плачем об этом; а когда умрёт святой — мы об этом ликуем. Как же это возможно?

Возможно это только потому, что когда умирает грешник, у остающихся тяжело лежит на сердце чувство, что настало время разлуки, хотя бы временной. Как бы ни была крепка наша вера, как бы надежда нас ни окрыляла, как бы мы ни были уверены в том, что Бог любви никогда окончательно не отделит друг от друга тех, которые любят друг друга хоть несовершенной, земной любовью — всё-таки остаётся грусть и тоска о том, что мы не увидим в течение долгих лет лица, выражения глаз, светящихся на нас лаской, не прикоснёмся к дорогому человеку благоговейной рукой, не услышим его голоса, доводящего до нашего сердца его ласку и любовь...

Умирая, святые могли сказать, как Павел говорил: я подвигом добрым подвизался, веру сохранил; теперь готовится мне награда вечная, теперь я делаюсь сам жертвоприношением...

И вот это сознание — не головное, а сознание сердца, живое чувство сердца о том, что святой не может от нас отлучиться (так же как от нас не отлучается ставший для нас невидимым Христос воскресший, так же как не отсутствует невидимый нам Бог), вот это сознание позволяет нам радоваться в день, когда, как говорили древние христиане, человек родился в вечную жизнь. Он не умер — а родился, вошёл в вечность, во весь простор, во всю полноту жизни.

Когда читаешь его жизнь, поражаешься, что он не только о духовном заботился; он заботился о каждой человеческой нужде, о самых скромных человеческих нуждах. Он умел радоваться с радующимися, он умел плакать с плачущими, он умел утешить и поддержать тех, кому нужно было утешение и поддержка. И вот почему народ, мирликийская паства его так полюбила, и почему весь христианский народ так его чтит: ничего нет слишком ничтожного, на что он не обратил бы внимание своей творческой любви. Нет ничего на земле, что казалось бы недостойно его молитв и недостойно его трудов: и болезнь, и беднота, и обездоленность, и опозоренность, и страх, и грех, и радость, и надежда, и любовь — всё нашло живой

отклик в его глубоком человеческом сердце. И он нам оставил образ человека, который является сиянием Божией красоты, он нам в себе оставил как бы живую, действующую икону подлинного человека.

Он нам оставил образ и того, как умирать, как созреть, как встать перед Богом в последний час, отдав Ему душу радостно, словно возвращаясь в отчий дом. Когда я был юношей, мой отец мне раз сказал: научись в течение твоей жизни так ожидать смерть, как юноша трепетно ожидает прихода своей невесты... Вот так ждал и святитель Николай часа смертного, когда раскроются смертные врата, когда падут все узы, когда вспорхнет душа его на свободу, когда ему дано будет лицезреть Того Бога, Которому он поклонялся верой и любовью. Так и нам дано ждать — ждать творчески, не ждать оцепенело, в страхе смерти, а ждать с радостью того времени, той встречи с Богом, которая нас сроднит не только с Живым Богом нашим, со Христом, ставшим человеком, но и с каждым человеком, потому что только в Боге мы делаемся едины...

Отцы Церкви нас призывают жить страхом смертным. Из столетия в столетие мы эти слова слышим, и из столетия в столетие мы их превратно понимаем. Сколько людей живёт страхом того, что вот-вот наступит смерть, и за смертью — суд, а за судом — что? Неизвестно. Ад? Прощение?.. Но не об этом страхе смертном говорили отцы. Отцы говорили о том, что если бы мы помнили, что через мгновение можем умереть, как бы мы спешили делать всё добро, которое мы ещё можем успеть сделать! Если бы мы думали постоянно, трепетно о том, что стоящий рядом с нами человек, которому мы сейчас можем сделать доброе или злое, может умереть — как бы мы спешили о нём позаботиться! Не было бы тогда никакой нужды, ни большой, ни малой,

которая превосходила бы нашу способность жизнь посвятить человеку, который вот-вот умрёт.

Я уже сказал нечто о своем отце; простите — я скажу ещё одно личное. Моя мать три года умирала; она это знала, потому что я это сказал ей. И когда смерть вошла в нашу жизнь, она жизнь преобразила тем, что каждое мгновение, каждое слово, каждое действие — потому что оно могло быть последним — должно было быть совершенным выражением всей любви, всей ласки, всего благоговения, которые между нами были. И вот три года не было мелочи и не было крупных вещей, а было только торжество трепетной, благоговейной любви, где всё сливалось в великое, потому что и в одном слове можно заключить всю любовь, и в одном движении можно выразить всю любовь; и это должно быть так.

Подумайте над этим. Подумайте над тем, как славна, как дивна может быть смерть, если только мы проживём жизнь, как святые. Они — подобные нам люди, отличающиеся от нас только смелостью и горением духа. Если бы мы подобно им жили! И как богата могла бы быть для нас память смертная, если вместо того, чтобы называться, на нашем языке, страхом перед смертью, она была бы постоянным напоминанием, что каждое мгновение есть и может стать дверью в вечную жизнь. Каждое мгновение, исполненное всей любовью, всем смирением, всем восторгом и крепостью души, может распахнуть время к вечности и нашу землю сделать уже местом, где явлен рай, местом, где живёт Бог, местом, где мы едины в любви, местом, где всё дурное, мёртвое, тёмное, грязное побеждено, преображено, стало светом, стало чистотой, стало Божественным.

Дай нам Господь вдуматься в эти образы святых, и не друг друга, даже не себя спрашивать о том, что же делать, а обратиться прямо к ним, к этим святым, из которых некоторые были поначалу разбойниками, грешниками, людьми страшными для других, но которые сумели величием души воспринять Бога и вырасти в меру возраста Христова. Станем их спрашивать... Что с тобой случилось, отче Николае? Что ты сделал, как ты раскрылся силе Божественной любви и благодати?.. И он нам ответит; он своей жизнью и своей молитвой сделает для нас возможным то, что нам кажется невозможным, потому что сила Божия в немощи совершается, и всё нам доступно, всё нам возможно в укрепляющем нас Господе Иисусе Христе.

Аминь.